УДК 903.21

А. Ю. Борисенко

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: aborisenko2@mail.ru

ИЗУЧЕНИЕ «ТАТАРСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ» Д. Г. МЕССЕРШМИДТОМ И Ф. И. ТАББЕРТОМ НА ПУТИ ОТ ТОБОЛЬСКА ДО АБАКАНСКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВОГО ДНЕВНИКА Д. Г. МЕССЕРШМИДТА ЗА 1721 ГОД) *

В статье проанализированы археологические и этнографические материалы путешествия, представленные в полевом дневнике Д. Г. Мессершмидта за 1721 г. – первый год исследовательской работы научной экспедиции в Сибирь под его руководством.

Ключевые слова: Сибирь, татарские древности, Д. Г. Мессершмидт.

На первоначальном этапе существования археологической науки в России одной из основных ее задач было накопление материалов об археологических памятниках и сбор коллекций древних вещей. Со времени начала научного изучения древностей Сибирского региона большую роль в этой деятельности сыграли европейские ученые, специально приглашенные в Россию для проведения естественно-научных экспедиций. Многие из них, обладая широким научным кругозором и интересами, не ограничивались изучением природных богатств Сибири, а обращали внимание на особенности традиционной материальной и духовной культуры, религии коренных народов региона, собирали коллекции «куриозных» вещей из раскопок древних курганов. Значение этих материалов для современной археологической науки состоит в том, что ими зафиксировано тогдашнее состояние традиционной культуры коренного населения, которая в дальнейшем безвозвратно ушла в прошлое под воздействием цивилизационных процессов. Кроме того, в ходе своих исследований европейские ученые смогли обнаружить некоторые уникальные в своем роде предметы древности, которые в дальнейшем никогда не встречались в ходе археологических раскопок.

В истории изучения сибирских древностей особое значение имели результаты первой научной экспедиции, которую возглавлял специально приглашенный из Германии ученый-естествоиспытатель, доктор медицины Даниэль Готтлиб Мессершмидт (Daniel Gottlib Messerschmidt). Несмотря на то, что он не был специалистом в области истории и культуры, благодаря своей научной любознательности Д. Г. Мессершмидт смог собрать ценную коллекцию древностей, которая в дальнейшем, к сожалению, погибла при пожаре Кунсткамеры в 1747 г. О значении собранных археологических и этнографических материалов можно судить по кратким упоминаниям и описаниям в его полевом дневнике и рисункам, сохранившимся в альбоме «сибирских куриозов». Отдельные находки были опубликованы в 1730 г. его другом и соратником, пленным шведским офицером Филиппом Иоганном Таббертом (Philipp Johann Tabbert von Stra-

* Работа выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (ГК № 14.740.11.0766) и тематического плана НИР Минобрнауки (НИР 1.5.11 и 1.31.11).

© А. Ю. Борисенко, 2012

lenberg: после возвращения из российского плена он получил дворянское достоинство и приставку к фамилии «фон Страленберг»)

Пленные из состава шведской армии, которые попали в Сибирь в ходе Северной войны, находились в нескольких сибирских городах, в том числе в Тобольске. Некоторые из них были уроженцами германских государств. Часть их получали образование в германском городе Халле и были учениками одного учителя – известного проповедника пиетизма Х. Эберхарда [Winter, Figurovskij, 1962. С. 4]. Схожесть мировоззренческих позиций сделала их тем более сплоченными в условиях плена. Еще до приезда экспедиции Д. Г. Мессершмидта, Ф. И. Табберт, получая поддержку в своих исследовательских устремлениях среди соотечественников, совершал кратковременные выезды в окрестности Тобольска с целью сбора сведений по географии, истории, этнографии сибирских народов. Он составил несколько карт этого района и всего Западно-Сибирского региона, часть которых, к сожалению, была утеряна [Борисенко, 2005. С. 80]. К моменту его знакомства с Д. Г. Мессершмдитом, у Ф. И. Табберта уже был собран некоторый объем археологических и этнографических материалов, который он мог представить своему будущему начальнику и коллеге по экспедиции – Д. Г. Мессершмидту удалось с разрешения властей взять его с собой в экспедицию.

Проведя почти три года в подготовке к путешествию – с 1 января 1718 г. (дата поступления Д. Г. Мессершмидта на русскую службу) до 1 марта 1721 г. (дата отправления экспедиционного отряда из Тобольска), доктор Д. Г. Мессершмидт выехал в свое путешествие из тогдашней «столицы Сибири» – города Тобольска. Лишь к концу 1721 г. он сумел добраться до Абаканского острога, куда в конце декабря к нему приехал Ф. И. Табберт. Значительную часть экспедиционных маршрутов по Западной и Южной Сибири в течение 1721 г. Д. Г. Мессершмидт и Ф. И. Табберт проехали вместе, либо шведский офицер совершал отдельные поездки по заданию начальника экспедиции. Европейцы, будучи на службе в Сибири, оказывали содействие участникам экспедиции в их изыскательской деятельности. Результаты их научных изысканий этого периода важны тем, что они могут быть сопоставлены между собой – это имеет большое значение для атрибуции упоминаемых в дневниковых записях Д. Г. Мессершмидта «куриозных вещей».

Почти за год совместной исследовательской работы ими были зафиксированы и описаны на территории Западной и Южной Сибири ряд древних памятников различного характера: курганы, петроглифы, каменные изваяния. Особенности традиционной культуры аборигенного населения, как древней, так и современной для путешественников, скрупулезно, по возможности точно и ежедневно описывались Д. Г. Мессершмидтом в путевых листках своего дневника [Messerschmidt, 1962].

Выехав 1 марта 1721 г. из Тобольска отряд Д. Г. Мессершмидта к середине марта достиг Барабинской лесостепи. Здесь им были описаны особенности культуры и быта местного населения. Дневниковые записи, сделанные за период с 1 по 31 марта 1721 г. и относящиеся к сравнительно небольшому отрезку пути, содержат описания и суждения ученого о территориальном расселении татарских родов, самоназваниях, традиционных занятиях и пище, взаимоотношениях с соседями, верованиях и отправлении религиозных культов, календарных расчетах, промыслах [Борисенко, 2011].

Обосновавшись к концу марта – началу апреля 1721 г. в Томске, Д. Г. Мессершмидт предпринимал небольшие исследовательские поездки в Нарым, Томилово, близлежащие татарские юрты – вместе с Ф. И. Таббертом и отдельно от него.

Уже с первых чисел апреля 1721 г. некоторые европейцы, проживавшие в Томске и узнавшие о прибытии Д. Г. Мессершмидта и Ф. И. Табберта, их интересе к сибирским древностям, стали приносить им «могильные» и другие старинные вещи. Так, 3 апреля 1721 г. шведский адъютант по фамилии Лунд принес своему соотечественнику Ф. И. Табберту маленький остяцкий «шайтан», сделанный, как отмечено в дневнике Д. Г. Мессершмидта, из «луженой жести». «Он сказал при этом, что видел, как они (остяки. – *А. Б.*) в качестве поклонения ему издавали губами свист» [Messerschmidt, 1962. S. 86]. Лунд сообщил также, что он обменял эти статуэтки идолов или божков на курительные трубки. Среди приобретенных им остяцких «шайтанов» были и деревянные идолы. В дневнике отмечается сходство их с «бухарскими», которые Д. Г. Мессершмидт

получил в Тобольске у местного муллы [Messerschmidt, 1962. S. 382–390]. Судя по этому сообщению, Лунд интересовался культовой утварью остяков (хантов) и даже собрал небольшую коллекцию металлических и деревянных статуэток. К сожалению, осмотренные Д. Г. Мессершмидтом статуэтки не были зарисованы, что затрудняет их атрибуцию. Сложно сказать, что имел в виду исследователь, сравнивая эти предметы с «бухарскими» идолами, поскольку для исламской религии антропоморфные изображения не характерны. Вероятно, у тобольского муллы могли храниться какие-то статуэтки, свидетельствующие о сохранении пережитков идолопоклонства у сибирских татар.

В последующие два дня ученый приобрел у местных жителей выполненное из бронзы изображение с фигурами людей и верблюдов. Однако, к сожалению, в изданных дневниковых материалах рисунок этого предмета отсутствует, поэтому судить о его культурной принадлежности трудно.

Надо сказать, что Д. Г. Мессершмидт приобретал далеко не все принесенные ему артефакты. Критерии такого отбора не всегда ясны. Так, 5 апреля 1721 г. к нему пришел русский купец и принес «кое-что из могильных вещей из золота и серебра». Однако доктор не стал их покупать, «так как среди них не было ничего кроме конских принадлежностей и других неизвестных вещей». Почему предметы конской сбруи не заинтересовали Д. Г. Мессершмидта и что за неизвестные вещи (неизвестные из-за плохой сохранности или ученый в принципе не знал их назначения. – *А. Б.*), сказать трудно. Судя по этим сведениям, у жителей Томска в начале XVIII в. хранилось немало «куриозных вещей». Вероятно, они были приобретены у бугровщиков – профессиональных грабителей древних курганов, промышлявших в XVII–XVIII вв. в степях Приобья и Прииртышья. По свидетельству Д. Белла, совершившего поездку по Сибири в составе посольства Л. В. Измайлова в Китай в 1719 г.: «Много людей из Томска и других мест летом отправляются к этим могилам, раскапывают их и находят среди мертвых останков значительное количество золота, серебра, меди и различных драгоценных камней, а иногда и части рукояток мечей и доспехов. Они находят также седельные украшения и уздечки и другую конскую сбрую, а иногда и слоновую» [Зиннер, 1968. С. 51].

Обладатели предметов древности не стремились продавать принадлежавшие им «куриозные вещи», а зачастую отказывали ученым даже в их осмотре. Так, 7 апреля 1721 г. прапорщик Цоймерн сообщил Мессершмидту, что в доме нарымского коменданта имеется изящный бронзовый идол, наполовину животное, наполовину человек, примерно в четверть локтя (около 10–12 см. – *А. Б.*) длиной. Будучи в Нарыме, Ф. И. Табберт предпринял несколько попыток осмотреть эту статуэтку, но комендант каждый раз отказывал ему в этом под разными предлогами. Несмотря на то, что Ф. И. Табберт ссылался на предписания, данные экспедиции по сбору древних вещей, хозяин фигурки отказал ему даже в осмотре, сказав, что желает сам отвезти ее в Тобольск [Messerschmidt, 1962. S. 131–132]. Этот предмет, представлявший собой западно-европейский акваманил в виде полой скульптуры кентавра, позднее был передан в Кунсткамеру. Он не сохранился до настоящего времени, вероятно, погиб во время пожара 1747 г. Однако сохранилась его прорисовка, которая позволила современным исследователям атрибутировать это изделие средневековых западно-европейских мастеров [Даркевич, 1966. Табл. 26, 1; Борисенко, Худяков, 1999а. С. 40]. Аналогичный случай произошел летом 1721 г., когда Цоймерн увидел у томского дворянина Вишневского изящных бронзовых идолов (Götzenbild), «а именно изображение козла, который бросается на льва» [Messerschmidt, 1962. S. 109–110]. Судя по краткому описанию данной находки, это могла быть композиция с изображением сцены терзания, характерная для скифского звериного стиля. Подобные вещи из раскопок бугровщиков в начале XVIII в. оказались в коллекции Н. К. Витзена и «Сибирской коллекции» Кунсткамеры [Завитухина, 1977. С. 42; Борисенко, Худяков, 2005. С. 58].

Д. Г. Мессершмидт, ссылаясь на томского коменданта, указывал, что «кыштымских татар» называют также «Пегая орда» или «Пестрая орда». Большинство представителей этого коренного народа к 20-м гг. XVIII в. «вымерли, но несколько проживает в Нарыме». Позже о «Пегой орде» упоминал Г. Ф. Миллер в «Истории Сибири». Он писал, что «Пегой ордой» назвали в конце XVII в. нарымских селькупов [1999. С. 286,

297]. Кроме кыштымцев, коренным населением Д. Г. Мессершмдит называет тунгусов, которые «в Сибири… самые умелые и быстрые лучники». Они «превосходят также в беге и гонках самоедов и остяков, и вообще опытные люди» [Messerschmidt, 1962. S. 88]. Ученый не раз бывал у томского коменданта в гостях, и хозяин делился с ними интересными сведениями об известных ему древних памятниках и особенностях культуры сибирских народов. Так, он рассказал, что в Красноярске есть камень, на котором вырезан ягненок. Попал этот камень на свое настоящее место много лет назад, когда был привезен туда с Усть-Тубы, в полдне пути от Абакана, и «тамошние язычники почитали ягнят». Эта каменная скульптура, вместе со скульптурами каменных львов, привезенных неким Салмаровым в Красноярск, были в дальнейшем лично осмотрены Д. Г. Мессершмидтом во время посещения этого города [Новлянская, 1970. С. 32; Борисенко, Худяков, 1999б. С. 10]. Позднее скульптуры были осмотрены и зарисованы участником экспедиции Г. Ф. Миллера, художником И. В. Люрсениусом [Миллер, 1999. Рис. 29]. Томский комендант также рассказал, что в Уйбатской степи недалеко от Красноярска должно быть озеро. В нем якобы купались семь девушек и все семеро были обращены в камень. И озеро с того дня стало называться Džeti-kys, что в переводе с татарского обозначает «Семь девушек». По рассказам коменданта, в 15 верстах от Красноярска должен стоять «вырубленный из камня юноша, который должен иметь крест. Никто не знает, кто его сделал» [Messerschmidt, 1962. S. 88]. В дальнейшем о статуях семи девушек и юноши с крестом никто из исследователей не сообщал.

Комендант был одним из ценных информаторов для Д. Г. Мессершмдита, из бесед с которым ученый вынес некоторые сведения о «татарских» родах, которые проживали на Енисее, Абакане и за Саянскими горами, такими как качинцы, аринцы, яринцы, алтырцы, тубинцы, сойоты, ак-сойоты. Комендант сказал, что в степях Южной Сибири исстари жил Алтын-хан, от которого из-за возросшего недовольства около 30 лет назад часть его подданных ушла на Селенгу под защиту монголов [Ibid. S. 110].

Местный пастор Вестадиус принес и показал Д. Г. Мессершмидту и Ф. И. Табберту монеты, которые были точно того же типа, как и те, что исследователи уже видели ранее в Тобольске. По словам Д. Г. Мессершмидта, такие монеты «добывают в степи при могильных раскопках» [Ibid. S. 90]. Однако описания монет им не приведены в дневнике ни во время пребывания в Тобольске, ни в период остановки в Томске. Известно, что в собранных коллекциях сибирских древностей первой половины XVIII в. нередко встречались китайские, арабские и даже античные монеты [Борисенко, Худяков, 2005. Рис. 11, 20, 31, 37, 43].

Определенный интерес представляет сообщение Ф. И. Табберта о «различных благородных татарских женщинах», датированное 19 апреля 1721 г. Он встретил их проезжавшими по улицам города «на лошадях с большой помпой и почетом. Они были одеты в зеленые и красные одежды, сидели на лошади прямо, как мужчины, держа в руках кнут, ехали медленным шагом. За ними следом ехали служанки. Как говорили, они ехали в гости к другим татарам» [Messerschmidt, 1962. S. 90]. В изданной позднее книге путешественника И. Г. Георги имеются иллюстрации, изображающие татарских женщин различных родов в красочных костюмах [Георги, 1776. С. 16. Рис. 27, 28; С. 24. Рис. 29; С. 106. Рис. 36, 37; С. 150. Рис. 41; С. 154. Рис. 42]. Красная верхняя одежда имеется на рисунках, передающих внешний вид казанской татарки и качинской женщины. Первая изображена в распашной верхней одежде красного цвета с запáхом на правую сторону. На иллюстрациях качинских женщин, как замужних, так и молодых девушек, женщины изображены в красных халатах. Замужняя женщина показана в халате с запáхом на правую сторону. Молодая девушка изображена в незастегнутом халате, а кроме того, в штанах, что более подходит для «прямой» мужской посадки на лошади, как отметил Ф. И. Табберт и описал в своем дневнике Д. Г. Мессершмидт [Messerschmidt, 1962. S. 90]. На рисунке же томской, а именно, «чацкой» татарки, женщина изображена в верхней одежде ярко-синего цвета в коричневом головном уборе. Судя по иллюстрации, приведенной И. Г. Георги, ее одеяние очень схоже с верхней одеждой барабинских незамужних девушек и по крою, и по цветовой гамме [Георги, 1776. Рис. 29; 37].

Об одежде татар упоминается также и в связи с погребальным обычаем, который был описан Ф. И. Таббертом 23 апреля 1721 г. после разговора с одним из самых старых татарских мулл. Описание этого обычая также сохранилось в дневнике Д. Г. Мессершмидта [Messerschmidt, 1962. S. 91]. Мулла сказал, что когда женатый татарин умирает, вдова меняет свою одежду на черную или белую в знак траура. Женщина не должна плакать по умершему, так как она верит и знает, что на все есть божественное проведение и воля. Только когда вдова остается одна, она может поплакать, и то не об утрате мужа, а о грехах. Прежде чем похоронить умершего, они одевают его в ситцевую или хлопчатобумажную одежду. По мнению Ф. И. Табберта, она «скорее бухарская или других магометанских земель традиция, нежели китайская, так как они считают это нечистым, языческим». В дневнике Д. Г. Мессершмидта приводится краткая характеристика материалов, которые использовались татарами для пошива одежды, и отмечаются нюансы ее использования в погребальном обряде. Одежда, в которую они одеваются, подразделяется на несколько типов и каждый имеет свое название: Bässi – белая и очень узкая без блеска; Tzau-tar – тоже белая и узкая, но с блеском; Taulama – широкая и белая, из грубой хлопчатобумажной или шелковой ткани; Kamki – разноцветная хлопковая ткань, гладкая и блестящая; Sendyn – примерно то же самое, что и предыдущая, только грубее; Wybick – вид очень грубой хлопчатобумажной ткани и очень разноцветный; Kumascht – почти как Kamki. Все вещи, которые должны использоваться для умершего, были хлопковыми и привозились из Китая; они не должны были быть яркими, броскими, блестящими, ярко-красными. Со слов татарского муллы, покойного укладывали на доски и таким образом помещали в могилу. В могиле устанавливались деревянные ступени типа решетки. Затем укладывали тело, сверху еще раз «решетку» (перекрытие) и засыпали землей. Если получалось, они устанавливали сверху палку или строили четырехугольный деревянный помост над могилой [Ibid. S. 92].

Судя по дневниковым записям Д. Г. Мессершмидта, период пребывания экспедиции в Томске в течение апреля 1721 г. оказался на редкость удачным в отношении сбора разнообразных сведений о сибирских древностях и традиционной культуре сибирских татар.

В то время как Ф. И. Табберт остался в Томске для выполнения ряда поручений Д. Г. Мессершмидта, сам доктор выехал из Томска по направлению к Кузнецку, а оттуда через горы Кузнецкого Алатау в долину р. Уйбат, затем – к Енисею, в Абаканский острог.

Во время экспедиции по Западной и Южной Сибири Ф. И. Табберт и Д. Г. Мессершмидт приобретали и предметы с письменными знаками и надписями. Таких случаев за 1721 г. было несколько. Во время пребывания в Томске, 24 июня 1721 г. Ф. И. Табберт сообщил Д. Г. Мессершмидту, что один татарин показал ему монеты, на которых были вперемешку начертаны татарские и арабские буквы, поэтому прочитать ничего не удалось. Однако на одной стороне монеты была надпись «La I la hu Mahemedur ressula», что по-арабски может означать – «есть единственный бог и никого кроме него и повелений и заповедей Магомета». Это одна из наиболее значимых заповедей ислама, означающая признание единобожия, изложенная в Коране. Но что было написано по кругу и на другой стороне, Ф. И. Табберт разобрать не смог. Исследователь предположил, что там могут быть нанесены имя хана и город, где монета была изготовлена.

В Томске же 3 августа Ф. И. Табберт познакомился с одним «парнем с р. Берди», у которого имелись две надписи, привезенные, по его словам, с Бикатуни (Bikatun) – места слияния рек Бия и Катунь, где был сооружен Бикатунский острог. Ф. И. Табберт хотел их приобрести, но и владелец надписей, и комендант отказали ему в их приобретении. Через несколько дней, 12 августа 1721 г., исследователь опять был у коменданта и тот дал ему лист голубой бумаги, на которой были, как выяснилось позже, китайские надписи, хотя Ф. И. Табберт первоначально счел их за тангутские. Листков с надписями было больше, но комендант отправил их в Чаусский острог, где они могли быть прочитаны. Комендант заверил Ф. И. Табберта, что как только он получит листки обратно, ученый сможет их приобрести. Однако в дальнейшем исследователь так и не получил возможность выкупить эти листки. Судя по данному описа-

нию, Ф. И. Табберт пытался приобрести листы с молитвенными надписями из хранилищ джунгарских ламаистских монастырей с Верхнего Прииртышья. В начале XVIII в. большое количество таких рукописей из развалин брошенных монастырей Дархан-Зоржин-кит и Аблай-кит в долине Иртыша было собрано офицерами и солдатами военных отрядов под командованием П. Ступина и И. М. Лихарева, посланных Петром I на поиски «песошного золота» в Восточный Туркестан. Часть этих рукописей, выполненных на тибетском языке, попала к Петру I и была послана немецким и французским ученым, став научной сенсацией для того времени [Княжецкая, 1989. С. 18–23].

К 21 августа 1721 г. относится сообщение Ф. И. Табберта о предпринятом им путешествии от Томска к Нарыму и обратно. В ходе этой поездки было установлено, что от устья Томи до деревень Елизарова, Жукова и Нижние Былины проживают не остяки, а татары, которые были примерно 3 года назад (в 1718 г.) крещены тобольским митрополитом. Действительно, митрополит Филофей Лещинский (схимонах Федор) в 1716 и 1718 гг. окрестил «до сущего младенца» остяков Сургутского уезда и добился возведения в их волостях трех православных храмов. В 1717 г. он крестил язычников Томского, Нарымского и Кетского уездов, в 1719 – Мангазейского. Позднее митрополит Антоний писал в Синод, что в 1718 и 1719 гг. Феодор «окрестил от остяцкого и татарского народов более четырнадцати тысяч душ». В Нарымском уезде было построено пять церквей, в Томском – три, в Мангазейском – одна [1].

Будучи в Нарыме, Ф. И. Табберт услышал и записал 26 августа 1721 г., что остяки имеют то же происхождение что и «саранцы» (Saränen), и должны иметь общее в языке. Вероятно, он записал сведения об одном из родовых подразделений селькупов.

В самом конце ноября Ф. И. Табберт покинул Томск и поехал к Д. Г. Мессершмидту в Абакан. В ходе этого маршрута, 11 декабря 1721 г., во время ночевки в аргунском юрте на р. Кия, он записал со слов местного татарина, что все проживающие на Чулыме и Кие татары происходят от хана Кучума и что в стародавние времена они все представляли собой один народ казахской орды. Летоисчисление у них, как и у калмыков, 12-годичное. После того как Кучум был изгнан из Тобольска, некоторые остались здесь, а другие ушли на томскую сторону. В ранние времена они имели «бусурманскую» веру, но забыли ее. Первоначально он жили в устье Чулыма, но потом были изгнаны, как киргизы, и расселились в этих окрестностях. Они состоят из 66 волостей или родов, но в некоторых из них осталось по 2–3 мужчины, а в больших можно насчитать 30–35 мужчин. Судя по этим записям, представления этого «татарина» (по-видимому, чулымского тюрка. – *А. Б.*) об истории своего этноса были весьма путаными и далекими от истины. Ни Кучум, ни тем более казахи никакого отношения к происхождению чулымских тюрок не имеют.

По пути в Абаканский острог Ф. И. Табберт отметил местонахождение двух изваяний. Одно из них находилось на речке Чигиртуна (Čigirtuna). Запись об этом памятнике относится к 16 декабря 1721 г. Добравшись до юрта, состоящего из 6 домов, которые были покрыты берестой, путешественник, несмотря на обилие снега, отправился по ориентировке местных жителей осмотреть каменную фигуру мужчины, которая должна была находиться недалеко от юрта. Через два дня, 18 декабря 1721 г., он добрался до юрт у места слияния рек Черного и Белого Июсов. Все встреченные по дороге юрты были покрыты берестой. «В них было холодно, и их бедные жители разводили в середине юрты огонь, дым от которого проходил через верх, так как все юрты были сверху открыты как горшок сахара». Здесь ему сообщили, что в двух днях пути оттуда по течению Кара-Июса должно быть озеро Кара-куль (Kara-kul'). Оно лежит между Черным и Белым Июсами. Так вот, недалеко от этого озера стоит всем известный женский идол «Kosen-kis» – «Кролик-дева». Кыргызы его почитают, считают плохим предзнаменованием, что у нее откололась голова и теперь она стоит без головы. Это каменное изваяние, известное также под

[1] *Акишин М.* «Обретающихся в нечестии вогулъцев призывал в православную веру добровольно». Православие в землях хантов и манси XVIII века. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVIII/1700-1720/Pravosl_chanty_mansi/text1.htm (дата обращения 31.10.2011).

названием «Казан-Кыс-Таш», изображавшее мужчину-воина с саблей и каптаргаком на поясе, сосудом в левой руке, было осмотрено и зарисовано Д. Г. Мессершмидтом [Messerschmidt, 1962. S. 159–160]. Только 22 декабря 1721 г. Ф. И. Табберт прибыл в Абаканский острог, где уже находились остальные члены экспедиции [Борисенко, Худяков, 2005. С. 81].

В ходе первого года экспедиции ее участниками были обследованы территории от Тобольска до Абаканского острога. Этот год стал весьма результативным и удачным в деле сбора сведений о сибирских древностях и особенностях традиционных культур народов Западной и Южной Сибири. Были зафиксированы различные типы археологических памятников – курганы, поминальные комплексы, памятники письменности. Учеными описаны особенности традиционной духовной и материальной культуры коренных народов Западной Сибири. Некоторые, приведенные ими данные, а также приобретенные предметы, остались единственными в своем роде и в дальнейшем никогда не встречались в ходе исследовательских работ. Участники экспедиции продемонстрировали высокий уровень научных знаний для своего времени и внесли существенный вклад в российскую археологическую науку на этапе первоначального накопления материала.

В следующем году ученые продолжили поиски и изучение сибирских древностей, осуществили первые в истории Сибири раскопки кургана с научной целью, собрали ценные материалы по археологии и этнографии народов Южной Сибири. В середине 1722 г., после завершения Северной войны, Ф. И. Табберту разрешили вернуться на родину, а Д. Г. Мессершмидт продолжил свое многолетнее путешествие по Сибири. Некоторая часть собранных археологических материалов была опубликована Ф. И. Таббертом [Strahlenberg, 1730. S. 356–363]. А руководителю экспедиции Д. Г. Мессершмидту власти не разрешили обработать и издать собранные им ценнейшие археологические и этнографические материалы, которые погибли во время пожара Кунсткамеры в 1747 г. Лишь через два с половиной столетия дневники Д. Г. Мессершмидта были изданы в Берлине, что сделало их доступными для изучения.

Список литературы

Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Находки западноевропейских бронзовых водолеев XII–XV вв. на территории Западной Сибири // Немецкий этнос в Сибири: Альманах гуманитарных исследований. Новосибирск, 1999а. Вып. 1. С. 38–44.

Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Древнетюркские поминальные памятники в Минусинской котловине (по материалам экспедиций XVIII–XIX вв.) // Памятники культуры древних тюрок в Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1999б. С. 4–22.

Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Изучение древностей Южной Сибири немецкими учеными XVIII–XIX вв. Новосибирск, 2005. 270 с.

Борисенко А. Ю. Сведения о традиционной культуре татарского населения и археологических памятниках Барабинской лесостепи в дневниковых записках Д. Г. Мессершмидта // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 3: Археология и этнография. С. 69–74.

Георги И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, а также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. СПб., 1776. Ч. 2. 182 с.

Даркевич В. П. Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X–XIV вв.) // Свод археологических источников. М., 1966. Вып. Е 1–57.

Завитухина М. П. Собрание М. П. Гагарина 1716 года в Сибирской коллекции Петра I // Археологический сборник. Л.: Изд-во «Аврора», 1977. Вып. 18. С. 41–51.

Зиннер Э. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1968. 247 с.

Княжецкая Е. А. Новые сведения об экспедиции И. М. Лихарева (1719–1720) // Страны и народы Востока. М., 1989. Вып. 26. С. 10–55.

Миллер Г. Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. М.: Изд. фирма «Восточная литература», 1999. Т. 1. 630 с.

Новлянская М. Г. Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л.: Наука, 1970. 184 с.

Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Teil I. Tagebuchaufzeichnungen. 1721–1722. Berlin: Akademie-Verlag, 1962. 379 S.

Strahlenberg I. P. Das Nord- und Ostliche Theil der Europa und Asia. Stokholm, 1730.

Winter E., Figurovskij N. A. Einleitung // Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Teil I. Tagebuchaufzeichnungen. 1721–1722. Berlin, Akademie-Verlag, 1962. S. 1–20.

Материал поступил в редколлегию 04.11.2011

A. Yu. Borisenko

STUDY OF «TARTAR ANTIQUITIES» D. G. MESSERSCHMIDT AND PH. I. TABBERT ON THE WAY FROM TOBOLSK TO ABAKANSK (BASED ON MATERIALS OF FIELD DIARY D. G. MESSERSCHMIDT FOR THE YEAR 1721)

The article analyzes the archaeological and ethnographic materials travel, presented in a field diary D. G. Messerschmidt in 1721 – the first year of the research work of a scientific expedition to Siberia under his leadership.

Keywords: Siberia, Tartar antiquity, D. G. Messerschmidt.